

РАСПРОСТРАНЕНИЕ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И УЧЕНИЙ В БЕЛАРУСИ (нач. XX ст.– нач. 1930-х гг.)

Янушевич И.И.

БГУ, Минск

В статье проводится исследование причин распространения нетрадиционных религиозных организаций и учений в Российской империи и СССР на примере белорусских губерний и БССР. Анализируется положение традиционных религий, в первую очередь Русской православной церкви (РПЦ), в контексте государственной конфессиональной политики, а так же дается сравнительная характеристика мероприятий государственно-партийных структур по отношению к различным религиозным организациям.

This article researches reasons of unconventional religious organizations and ideas spread in Russian Empire and USSR by example of Belarusian provinces in BSSR. The position of conventional religions is analyzed, in the first place Russian Orthodox Church (ROC), in context of national confessional policy. Also comparison characteristics of national measures towards different religious organizations are given in this article.

Развитие общественно-политической ситуации в Российской империи в начале XX в. в значительной степени отличалось от предыдущих периодов. Особенно это было заметно в сфере государственно-церковных отношений. Конфессиональная политика царского правительства, идя в русле общественно-политических процессов в стране, была противоречивой и непоследовательной. Появление и достаточно широкое для того времени новых религиозных учений соответствовало духу времени, мировоззренческому поиску части населения и неудовлетворенностью жизнью большого количества граждан империи. РПЦ была поработана самодержавием. Исполняя важнейшую патриотическую миссию, не отвечая на острые вопросы времени, Церковь отдаляла себя от людей и не обладала должным потенциалом для противодействия распространению нетрадиционных религиозных учений и радикальных политических идей. Во многих приходах «наблюдалось отсутствие единения,

сплоченности, любви между пастырями и пасомыми, а в замен этих добрых отношений развивалось недоверие, зависть, нападки и даже глумление» [1; с. 26]. Ни царь, ни его окружение не предприняли мер по укреплению авторитета Православной церкви и ее служителей, не осознали истинную ее роль в жизни российского народа. Между тем государство и РПЦ практически на протяжении всей своей истории достаточно тесно взаимодействовали. Религия играла важную мировоззренческую роль. «Христианство в его православном исповедании определило всю систему ценностных ориентаций русского человека, общественную, хозяйственную, этическую и другие стороны жизни» [2; с. 168].

К началу XX ст. в центральной и западной части России кроме атеистов и православных, иудеев, католиков, лютеран, мусульман было большое количество приверженцев иных религиозных, в большинстве своем окултно-мистических групп и лидеров, уводивших мировоззрение граждан как от догматов традиционных конфессий, так и основополагающих установок все более распространяющегося марксизма. Что касается непосредственно самих сект различных направлений и толков то возможно говорить об изучении только более менее крупных организаций. Следует отметить, что и российские ученые, и первые советские, не говоря уже об чисто антирелигиозных деятелях не проводили комплексного изучения данного вопроса. Рассмотрение тех или иных организаций через призму нависших над исследователями идеологических задач требует тщательного анализа и весьма критического восприятия многих положений их трудов. Да и в неистовом брожении умов граждан Российской империи достаточно сложно провести классификацию имевших место религиозных течений. Представляется, что наиболее удачно, уже основываясь и на предыдущих исследованиях, это сделал советский государственно-партийный деятель В.Д. Бонч-Бруевич. Автор разделил все имевшиеся секты на 2 группы: мистические (свободомыслящие) и рациональные (евангелики). [3; с. 165]. К первым он относил хлыстов, духоборцев, молокан, иеговистов, новошундистов, толстовцев и иные

многочисленные ответвления от этих сект. Ко вторым пришедшие с Запада протестантские деноминации (баптисты, пашковцы, редстокисты, евангельские христиане и их ответвления [3; с. 167].

На фоне хрустящих «в объятых самодержавия нежных косточек Церкви» на поле конфессиональной жизни выходили неопротестантские направления баптистов, адвентистов седьмого дня, христиан веры евангельской и штундистов, впоследствии в основном примкнувших к баптизму. В Россию протестантские организации начали проникать в 1820-е гг. В 1870-е гг. они, в частности баптизм, получили свое массовое распространение, в том числе и в Беларуси, в основном среди немецких колонистов и латышей. Первой была создана баптистская община в д. Уть Добрушского р-н. В 1905 г. там был построен первый молитвенный дом [4; с. 127]. Первые общины пятидесятников, берущих начало от американской церкви "Ассамблея Бога", образовали в республике реэмигранты из США, а также бывшие военнопленные и миссионеры во время Первой мировой войны. Популярность того же штундизма «среди части населения была вызвана простотой религиозного культа, благотворительностью и взаимопомощью внутри баптистских групп, поддержка со стороны зарубежных организаций» [5; с. 41].

Царское правительство всячески ограничивало деятельность нетрадиционных религиозных направлений. Принятые в 1905 г. указ «Об укреплении начал веротерпимости» и манифест «О даровании населению незыблемых основ гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» снимали с баптистов и евангелистов ограничения гражданских прав. Им разрешалось вести собственную документацию, открывать молитвенные дома и отправлять религиозный культ, но на местах власти по-прежнему препятствовали их распространению [5; с. 41].

Сразу после революции 1917 г. ситуация в государственно-церковных отношениях меняется кардинально. Провозглашенная новым политическим руководством страны борьба со всеми религиозными культами на практике

выражалась в агрессивном наступлении на Православную церковь. Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. подрывал экономический базис традиционных конфессий и, по мнению протестантов, полностью удовлетворял их требованиям: «Свершилось поистине историческое событие: некогда «презренные сектанты» - баптисты оказались на равных условиях с некогда привилегированной православной церковью» [6]. В. И. Ленин и некоторые иные руководители партии видели в сектантстве, как в то время называли и протестантские течения, тактического союзника в борьбе с традиционными вероисповеданиями.. Первоначально большевики косвенно поддержали и Римско-католическую церковь (РКЦ). Вождь революции отношение к религии определял в подчинении ее практическим лозунгам, которые выдвигало политическое руководство В протестантских доктринах присутствовала идея социального и экономического равенства. Лидер баптистов П. Павлов не исключал возможности союза с коммунистами. Частыми были случаи обращения лидеров протестантов с жалобами на действия местных властей напрямую к В.И. Ленину, который давал личные указания удовлетворять требования баптистов и евангельских христиан: «Исполком Витебской губернии получил указание отменить практику испрашивания разрешения на проведение молитвенных собраний евангельских христиан-баптистов» [7; с. 173].

Совсем по другому большевики относились к православию. Уничтожение экономического потенциала РПЦ началось уже 26 октября 1917 г., когда Декретом «О земле» Церковь лишалась всех «монастырских, церковных угодий со всем их живым и мертвым инвентарем, постройками и принадлежностями» [8; с. 13]. Духовенство постоянно подвергалось всевозможным ущемлениям семейно-бытового характера. Священнослужители, как «нетрудовой элемент», наделялись жилплощадью в последнюю очередь. Оплату за проживание жилотдел снимал с них по высшему тарифу. Даже митрополит Минский и Белорусский Мелхиседек проживал в комнатке 3 кв. сажня [9; л. 73]. Материальное положение православного духовенства было критическим.

В 1927 г. Госстрахом резко увеличивается страховой взнос, особенно это касалось богослужебных зданий. В дополнение к этому местные органы пытались обложить храмы налогами всех видов. Православные клирики подвергались массовым арестам и высылкам. Властями поддерживались священники, имевшие проблемы с церковной дисциплиной, стремящихся к разного рода нововведениям и решению личных интересов. Государство не признавало и не регистрировало руководящие органы РПЦ. С 1929 г. перед органами ставилась задача сломить любое сопротивление осуществляемым в стране мероприятиям. В одном только 1930 г. было арестовано 93 «церковника». 25 из них расстреляны, а 68 отправлены в лагеря [10; с. 300]. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. «О религиозных объединениях» РПЦ практически полностью лишалась возможности организовывать свою административно-хозяйственную деятельность. Управленческая функция ограничивалась увещанием верующих. С лета 1927 г. под различными благовидными предлогами регистрация и перерегистрация общин откладывалось на неопределенный срок.

Еще одним направлением деятельности советского государства по развалу РПЦ были действия по разрушению единства Церкви, поддержка и инспирирование всякого рода расколов. В результате внешнего вмешательства во внутрицерковную жизнь в 1927 г. в республике действовало три почти равных по количеству приходов течения Православной церкви: обновленцы, сергиевцы и автокефалисты [11, л. 11]. Во внутрицерковной жизни наблюдался серьезнейший беспорядок. Противостояния различных групп подрывали авторитет РПЦ.

Первая мировая война и последствия Октябрьской революции принесли неисчислимые бедствия и страдания народам Российской империи. Особенно пострадали западные регионы, где влияние боевых действий остро ощущались с 1914 г. вплоть до 1921 г. Сама ситуация, ломка привычного образа жизни заставляли людей искать любые способы выживания и в том числе религиозного объяснения всего происходящего в государстве и обществе.

Касалось это и сферы государственно-церковных отношений. И если до 1917 г. конфессиональная принадлежность не только фиксировалась, но и в значительной степени регулировалась государственными структурами, то после провозглашения свободы совести и главенства принципов воинствующего атеизма практически ничто не мешало распространению новых религиозных идей. Атеизм как главный постулат марксистского учения не захватил сколь-нибудь значительную часть населения. Именно отрицание Бога во многом отторгло население, особенно крестьян, от большевиков. Массовое истребление православных священнослужителей, закрытия храмов наталкивали тех же ждущих перемен крестьян на мысль о переходе в негонимое властями сектантство. Следует отметить, что лишь сформировавшиеся в начале 1920-х гг. свои административно-организационные структуры новые деноминации смогли сохранить и иметь широкое представительство. Главным образом это касалось протестантских организаций, располагавших опытными работниками и миссионерами, умевшими привлечь к себе простотой культовой практики, дружеской атмосферой, совместным эстетически подобающим времяпровождением. Гонимые религиозные организации были связаны по рукам и ногам, а комсомольские, кооперативные и иные партийно-государственные структуры с их сухой официозностью, пьянством, беспорядочными половыми связями и прокуренными клубами не могли конкурировать в привлекательности для ищущих особ. никоим образом не умаляя духовный поиск, представляется, что главенствующим был социально-бытовой фактор. В обстановке полной неопределенности, несоответствия большевистских лозунгов реальной действительности сектантская община представлялась островком относительной стабильности. «тем более, что у сектантов нередко проводились различные благотворительные акции, бесплатные обеды и т. д.» [12; с. 365].

Еще одна привлекательная сторона статуса сектанта – возможность избежать участия в кровопролитных боях в составе Красной Армии. 4 января 1919 г. был издан декрет СНК РСФСР “Об освобождении от воинской

повинности по религиозным убеждениям”, в котором законодательно была установлена возможность прохождения альтернативной воинской службы или же полное освобождение от ее [13]. Такая возможность в условиях многолетней войны и невнятной перспективе долгосрочного мира не могла не прельстить не только призывников, но и во многом в первую очередь их родителей. Каждый конкретный случай освобождения решался Объединенным советом религиозных обществ и групп, но в войсках и на призывных пунктах это отыгрывало свою дестабилизирующую роль.

В БССР баптистов, евангелистов и адвентистов к 1925 г. насчитывалось около 3,5 тыс. Цифра эта достаточно условна. В количественном росте были заинтересованы как в руководстве религиозных организаций, так в и рядах антирелигиозников, что бы оправдывать необходимость усиления работы. Трудно поверить, что при достаточно сложной баптистской процедуре приема в церковь за год численность чуть ли не удваивалась. Если и принимать эти цифры критически, то рост все равно был внушительным. Тех же баптистов в БССР в 1925 г. было 7 групп, а в 1929 г. 27. [5; с. 43]. Естественно встает вопрос о качественном составе. Быть сектантом к сер. 1920-х гг. стало выгодно. Скорее всего невозможно как то определить даже приблизительно процент перешедших в те же протестантские общины по вере. Авторитетный исследователь баптизма Л.Н.Митрохин утверждает, что рост общин был искусственным, приводил к тому, в них попадали люди, которые «далеко не всегда соответствовали эталонам святости». Свою мысль он подтверждает цитатой из журнала «Христианин» за 1927 г.: «Церковь подвергается большой опасности «обмирщиться», стать светской церковью, подвергается опасности смешаться с миром» [12; с. 365].

Старшее поколение сектантских общин, закаленное противостоянием с властями, РПЦ, РКЦ, принявшее тот же протестантизм по искренним убеждениям растворялось в среде призванных ими «новых братьев». Тех же кулаков-сектантов интересовал личный интерес – власть, доходы. Община выступала как способ этого достичь, хотя нельзя никак отрицать и

благотворительность зажиточных, и трудоустройство братьев по вере на собственных производствах [14; с. 268]. «Экономисты» не принимали активного участия в миссионерской деятельности, редко посещали собрания и читали слово Божие. В любой организации подобные члены несут опасность разрушения, выдвигают и реализуют лозунги не согласующиеся с догматами, уставом, программой, а возникающие расколы могут приводить к появлению более радикальных групп.

К середине 1920-х гг. среди сектантского движения все четче выделились организации добившиеся успехов в формировании административно-управленческой структуры, а отсюда и вовлечение наибольшего количества приверженцев. М.И. Калинин утверждал, что в СССР не менее 10 млн. сектантов [15; с. 53]. До 1925 г. сектанты практически не преследовались, а до 1927 г. они свободно, в отличие от православных и католиков, проводили съезды, конференции, организовывали миссионерскую и издательскую деятельность [8, с. 200]. По официальным данным в 1930 г. в БССР действовали 89 сектантских общин. К середине 20-х гг. у политического руководства страны окончательно сформировались взгляды о несостоятельности мнения о сектантах как о чем-то цельном и революционном. Несоответствие провозглашаемых сектантами лозунгов реальным антиправительственным действиям, противоречия между религиозной доктриной и государственной идеологией дали повод компетентным органам для начала репрессивных действий. 1926 г. стал поворотным во взаимоотношениях властей и сектантских организаций. Совещание при Агитпропе ЦК ВКП(б) констатировало, что в «количественном отношении целый ряд сект являются массовыми организациями, насчитывающих в своих рядах миллионы членов» и «сектантство представляет собой мелкобуржуазное, главным образом крестьянское движение, и большим влиянием в нем пользуются буржуазно-кулацкие элементы» [12; с. 51]. Однако деятельность протестантских общин было практически невозможно контролировать. Дальнейшее административное давление на сектантов привело к тому, что

большая их часть стала дробиться и действовать нелегально, а верующие вынуждены были тщательно скрывать свои религиозные чувства.

Проведенное исследование позволило выявить целый ряд причин распространения нетрадиционных религиозных учений в Беларуси. Главным автор считает невозможность исполнения традиционными конфессиями своей духовной миссии в условиях динамично изменяющейся социально-политической обстановки в стране. РПЦ из синодально-консисторских пут царского правительства в 1917 г. перешла в положение злейшего врага советской власти, на которого была направлена вся репрессивная мощь большевиков. РКЦ, получив временное послабление от Советов уже в 1923-1925 гг., подвергается жесткому давлению. В организационном и экономическом плане и православные, и католики были гораздо более уязвимы по сравнению с новыми религиозными движениями. Для многих миллионов людей ни традиционные конфессии, ни большевистское учение не удовлетворяли их мировоззренческий поиск. Предлагаемые сектантскими доктринами пути спасения для духовно дезорганизованных людей казались единственно верными. Важным был и социально-бытовой фактор, возможность получения средств к существованию, да и просто выжить. Неокульти находят современные, доступные и эффективные способы работы с адептами. Вместо долгой и трудной работы над собой многие поддавались соблазну получить все и практически сразу у различных «гуру», «мессий», «учителей». Советские сектоведы и ответственные антирелигиозники в рамках построения сталинской идеологической системы так и не смогли разобраться в хитросплетениях сектантского движения и в 1930-е гг. «зачистили» всех, между тем разношерстность сектантского движения в исследуемый период была колоссальной. Не правильным являются попытки смешивания всех в однородную массу. Из множества сектантских и окултно-мистических движений и групп пройти горнило революции и большевистскую антирелигиозную политику смогли лишь некоторые протестантские деноминации. Следует отметить, что в исследуемый период неопротестантские

организации получили свое широкое распространение, в том числе в странах Запада, где позиции РКЦ казались непоколебимыми.

Литература:

1. *Кривонос, Ф.* Белорусская Православная Церковь в XX столетии / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2008. – 255 с.
2. *Кузнецов, С.В.* Нравственность и религиозность хозяйственной деятельности русского крестьянства / С.В. Кузнецов. // Православная жизнь русских крестьян XIX–XX вв. – М.: Наука, 2001. – 168-182 с.
3. *Бонч-Бруевич В. Д.* Избранные сочинения: В 2 т. – М.: АН СССР, 1959. – Т. 1. – 327 с.
4. Традиционные вероисповедания и новые религиозные движения в Беларуси. – Мн., 2000.– 187 с.
5. *Дьяченко О.В.* Формирование протестантского меньшинства в восточной Беларуси в конце XIX – первой половине XX века //Этнография Белорусского Поднепровья: Материалы научной конференции: Могилев, 30 ноября – 1 декабря 1999 г./ МГУ. – Могилев, 1999. – С. 40-50.
6. Братский вестник. – 1977. – № 2.
7. История евангельских христиан-баптистов в СССР. – М.: Баптист,1989.– 852 с.
8. Первые Декреты Советской власти. – М.: Политиздат, 1979. – 97 с.
9. Государственный архив Минской области. Ф. 48. – Оп. 1. – Д. 40.
10. *Протьюко, Т.* Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917-1941 гг.) / Т. Протьюко. – Минск: Тесей, 2006. – 687 с.
11. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2786.– Оп. 1. – Д. 339.
12. *Митрохин, Л.Н.* Баптизм: история и современность/ Л.Н. Митрохин. – СПб.: РХГИ, 1997. – 351 с.
13. Религия и право. - 1998. - № 1-2.
14. Пинчуков, В.П., Лебедев, А.Д. Протестантская церковь на Гомельшине в 20-30-е гг. XX в.: обобщенный анализ // Беларусь і суседзі: гістарычныя

- шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы: зборнік навуковых артыкулаў у 2 ч. Ч. 1, Гомель, 30.09 – 1.10. 2010 г. / Гомельскі дзярж. ун-т. імя Ф. Скарыны; рэдкал.: В.А. Міхедзька (адк. рэд.) [і інш.]. – Гомель, 2010. – С. 267-272.
15. *Алексеев, В. А.* Штурм небес отменяется? Критический очерк по истории борьбы с религией в СССР / В.А. Алексеев. – М.: Россия молодая, 1992. – 246 с.